

ДАША МИЛОНОВА

РАЗВОД В 45. СВЕКРОВЬ УВОЛИЛА МОЕГО МУЖА

Даша Милонова

**Развод в 45. Свекровь
уволила моего мужа**

«Автор»

2026

Милонова Д.

Развод в 45. Свекровь уволила моего мужа / Д. Милонова —
«Автор», 2026

В день двадцатилетия семейного ресторана муж вычеркнул меня из праздничной презентации, представил любовницу как своего нового партнера и сообщил, что уже подал на развод. Мне сорок пять, за плечами двадцать четыре года брака, а впереди, кажется, только чужая новая жизнь. Но утром моя свекровь, владеющая контрольной долей компании, увольняет собственного сына и назначает директором меня. У меня есть шестьдесят дней, чтобы спасти «Медный двор», рассчитаться с долгами и сохранить работу сорока семи сотрудников. Для этого придется вернуть Романа Костина — шефа, которого шесть лет назад я помогла несправедливо уволить. Он не обещает простить меня. Я не имею права требовать доверия. Но чем ближе решающее собрание собственников, тем труднее отделить рабочий союз от чувства, которому мы оба боимся дать шанс. Смогу ли я сохранить ресторан, не потерять себя и дать шанс мужчине, которого однажды уже предала?

© Милонова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ЮБИЛЕЙ БЕЗ МОЕГО ИМЕНИ	5
ГЛАВА 2. ШЕСТЬДЕСЯТ ПРОЦЕНТОВ	10
ГЛАВА 3. ДИРЕКТОР НА ШЕСТЬДЕСЯТ ДНЕЙ	15
ГЛАВА 4. ЦЕНА СТАРОГО МЕНЮ	20
ГЛАВА 5. ОШИБКА С МОЕЙ ПОДПИСЬЮ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Даша Милонова

Развод в 45. Свекровь уволила моего мужа

ГЛАВА 1. ЮБИЛЕЙ БЕЗ МОЕГО ИМЕНИ

В день двадцатилетия ресторана муж вычеркнул меня из его истории раньше, чем попросил о разводе. Мне было сорок пять, и двадцать четыре года я прожила с ним.

Я узнала об этом за семь минут до начала презентации. В малом кабинете над гардеробом стоял ноутбук, с которого техник выводил изображение на экран в большом зале. Мне нужно было проверить последнюю фамилию в списке сотрудников, получавших благодарности, и убедиться, что фотография нашей первой кухонной смены не растянулась на весь экран. Вместо нее я увидела белый слайд с надписью: «Новая глава. Концепция Дениса Лаврова и Алисы Мироновой».

— Открой начало, — попросила я техника.

Максим посмотрел на часы.

— Вера Михайловна, там уже ведущий выходит.

— Начало, пожалуйста.

Он вернулся к первому слайду. Старый купеческий дом, отремонтированный двадцать лет назад. Галина Павловна с мужем на ступенях. Денис, молодой и довольный, держит символический ключ. Следующий кадр — он же в первом зале. Затем фотографии ремонтов, фестивалей, ужинов. Я знала каждый день, оставшийся за этими снимками: где прорвало трубу перед свадьбой на шестьдесят гостей, кто нашел замену заболевшему кондитеру, сколько недель мы спорили с пожарной инспекцией из-за второй лестницы. На фотографиях меня не было.

— Это тот файл, который вам прислали утром? — спросила я.

— Нет. Денис Аркадьевич принес флешку минут пятнадцать назад. Сказал заменить окончательно.

Я открыла список слайдов. Исчезли отчеты о команде, упоминание Ольги, которая работала у нас четырнадцать лет, фотография Тимура с учениками. Остались Денис, известные гости и будущая концепция, о которой мне никто не сообщил. Алиса Миронова на последнем кадре стояла возле макета летней террасы. Под ее именем значилось: «стратегический партнер проекта».

Ведущий произнес в микрофон имя Дениса.

Отменить презентацию я могла. Подойти к экрану, сообщить, что файл не утвержден, и превратить юбилей в семейное разбирательство при ста восьми приглашенных. Потом пришлось бы возвращать деньги заказчикам двух банкетов, сидевшим сейчас в зале, объясняться с сотрудниками и собирать по городу запись моего выступления.

— Показывайте, — сказала я Максиму. — Но после последнего слайда сразу включите заставку. Вопросов из зала не будет.

Я спустилась по узкой служебной лестнице. У входа в большой зал Ольга Рябинина поймала меня за локоть.

— У двенадцатого стола нет карточки с постным горячим. Я поставила отметку официанту, но кухня просит подтверждение.

— Подтверждаю. И проверьте девятнадцатый: у них аллергия на орехи, отдельная подача.

— Проверила. Вы сейчас выступаете после Дениса Аркадьевича?

— Нет. Программа изменилась.

Ольга задержала на мне взгляд, однако задавать следующий вопрос не стала. За это я ценила ее больше, чем за безупречную память на лица постоянных гостей.

Денис стоял на сцене легко, без записей. В сорок восемь он все еще умел производить впечатление человека, которому тесно в настоящем, потому что будущее уже ждет его за соседней дверью. Я много лет считала эту способность преимуществом. Пока он обещал, я рассчитывала себестоимость обещаний и находила людей, способных их выполнить.

— Двадцать лет назад мы открыли здесь ресторан, каким Нижний еще не видел, — говорил он. — Мы не боялись менять правила. И сегодня снова готовы к переменам.

На экране возникла Алиса. В зале раздались вежливые хлопки. Она сидела за столом рядом с представителями рекламного агентства и не выглядела удивленной. Темно-синий костюм, короткая стрижка, руки спокойно лежат рядом с бокалом. Не любовница из плохого анекдота, пойманная с чужой помадой на воротнике. Деловой партнер, заранее включенный в программу вечера.

Денис рассказал о новом городском пространстве, гастрономии без границ и партнерстве с девелоперами. Ни разу не произнес слово «продажа», но показал проект здания с расширенными окнами и стеклянной пристройкой на месте служебного двора. Нашего названия на макете не было.

Я достала телефон и написала Ольге: «Проверьте, чтобы благодарности сотрудникам вручил ведущий по моему списку. Все фамилии. Без сокращений».

Она ответила одним словом: «Сделаю».

Мне хотелось выйти. Не красиво, с прямой спиной и подходящей случаю фразой, а быстро, через кухню, где никто не спросил бы, почему меня нет в истории места, которому я отдала двадцать лет. Вместо этого я прошла между столами, остановилась возле официанта с пустым подносом и указала на двенадцатый стол. Работа оставалась работой даже тогда, когда человек, с которым я прожила двадцать четыре года, использовал ее как декорацию для новой жизни.

После презентации Денис принимал поздравления. Алиса подошла к нему не сразу. Сначала поговорила с двумя журналистами, затем с Галиной Павловной, которая слушала ее с неподвижным лицом. Я не пыталась угадать смысл разговора по выражениям. Свекровь умела одинаково смотреть на удачную сделку и на просроченный счет.

Ведущий начал церемонию благодарностей. На первой фамилии Денис повернулся ко мне и едва заметно поманил рукой. Я покачала головой. Сотрудники должны были получить свой вечер. Он подождал до окончания официальной части.

— Нам надо поговорить, — сказал Денис, когда официанты вынесли десерт.

— В кабинете через десять минут.

— Сейчас.

— Через десять. На кухне меняют подачу для двух столов, а у гардероба очередь.

Он усмехнулся, будто я подтвердила давно известный ему диагноз.

— Ты всегда найдешь, что важнее.

— Сегодня это сто восемь гостей и сорок семь сотрудников.

Я закончила обход зала, сверила с Ольгой расчет транспорта для приглашенных и только потом поднялась в кабинет. Денис уже сидел за моим столом. Это не было демонстрацией: кабинет формально считался общим, хотя последние восемнадцать лет все папки, графики и разговоры с недовольными подрядчиками проходили здесь через меня.

На краю стола лежал белый конверт.

— Закрой дверь, — попросил он.

— Она закрыта.

Я села напротив. Денис не предложил мне открыть конверт. Сам вынул копию заявления и придвинул по столу.

— Суд принял двадцать восьмого. Повестка придет отдельно. Я хотел сказать после юбилея, но ты устроила проверку презентации.

— Я проверила программу мероприятия, за которое отвечаю.

На первой странице стояли наши фамилии и адрес суда. Я прочитала требования. Расторжение брака. Дочь совершеннолетняя. Имущественный спор в заявлении отсутствовал.

— Девять месяцев, — произнес Денис.

— Что девять месяцев?

— Мы с Алисой вместе девять месяцев. Я не хочу, чтобы ты узнала это из чужих сообщений.

Я посмотрела на него. Двадцать четыре года брака не исчезли, но в этот момент перестали помогать понимать человека напротив. В последние месяцы он часто задерживался, ездил на встречи в Москву, стал прятать экран телефона. Я видела признаки и принимала объяснения, потому что ресторан действительно готовил рекламную кампанию. Удобная версия не требовала решения.

— Она знала, что ты не сообщил мне о разводе?

— Мы не обязаны сейчас обсуждать Алису.

— Ты сам назвал срок.

— Знала, что наш брак давно формальный.

— Для кого?

Он отвел глаза к окну. За стеклом отражался кабинет, а не ночной двор.

— Вера, мы много лет живем работой. Ты это понимаешь.

— Я понимаю, что сегодня ты объявил новую концепцию нашего ресторана женщиной, с которой спишь. А заявление принес мне после презентации. Остальное я пойму позднее.

— Вот именно поэтому я не хотел говорить до юбилея. Ты смешиваешь личное и бизнес.

Я снова посмотрела на копию заявления. Внизу стояла дата подачи. В тот день Денис ужинал дома. Мы обсуждали юбилейный бюджет и подарок Галине Павловне.

— Что ты предлагаешь?

Его плечи расслабились. Он услышал вопрос, к которому готовился.

— Два с половиной миллиона и сохранение машины. Ты уходишь с должности по соглашению, не оспариваешь рекламный контракт и поддерживаешь продажу здания. С квартирой разберемся отдельно, справедливо.

— Кто решил продавать здание?

— Есть предложение. Очень сильное. Мама увидит цифры и согласится.

— У тебя сорок процентов.

— У меня есть понимание рынка. Ресторан четвертый месяц ниже безубыточности. Здание стоит больше, чем бизнес.

— Кому перечислили аванс за новую концепцию?

Денис потер ладонью подбородок.

— Агентству Алисы. Все оформлено.

— На какую сумму?

— Ты сейчас не директор.

— Я операционный директор и отвечаю за исполнение договоров, которые влияют на работу. Назови сумму.

— Четыре восемь. Годовая программа, медийное сопровождение, запуск нового бренда.

За неделю до юбилея бухгалтер просила перенести оплату одному из поставщиков. Денис сказал, что деньги ушли на обязательный платеж банку. Я поверила, потому что не имела права подписи в банковском клиенте и привыкла получать от мужа итог, а не первичный документ.

— Банк получил платеж?

— Не начинай аудит ночью.

— Получил?

— Есть небольшая просрочка. Она закроется после сделки.

Я взяла со стола чистый лист, записала две суммы и дату.

— Завтра бухгалтерия даст мне реестр платежей за три месяца.

— Завтра ты подашь заявление по соглашению.

— Нет.

Денис откинулся на спинку кресла.

— Это щедрое предложение. У тебя нет доли в компании. Должность закончится, как только мама поймет реальное положение. Ты можешь уйти с деньгами или через два месяца остаться без работы.

— Тогда через два месяца я сама увижу, с чем осталась.

— Ты не слышишь. Новый собственник не сохранит ресторан.

— Я слышу. Ты девять месяцев готовил жизнь, о которой мне решил сообщить после публичного запуска. Теперь хочешь получить мою подпись до того, как я увижу документы.

— Не делай из себя жертву. Ты тоже давно выбрала ресторан вместо нас.

Эта фраза могла быть правдой хотя бы наполовину. Мы перестали ездить вдвоем в отпуск, обсуждали меню чаще, чем собственную дочь, и несколько лет не спрашивали друг друга, чего хотим после пятидесяти. Но усталый брак и тайная сделка не были одним и тем же поступком.

— О нашем браке поговорим в суде или у юристов. Сейчас я спрашиваю о деньгах ООО.

— Ты всегда прячешься в работу.

— А ты сейчас прячешься от ответа.

Дверь открылась без стука. На пороге стояла Галина Павловна. За весь вечер она не сняла темно-серый жакет, хотя в зале было жарко.

— Какую сделку ты собираешься закрыть моей собственностью? — спросила она сына.

Денис поднялся.

— Мама, мы сами разберемся.

— С разводом — да. С моими шестьюдесятью процентами — нет.

Она вошла и закрыла дверь. Я не знала, сколько услышала свекровь. Достаточно, судя по тому, что она взяла лист с записанными мной суммами.

— Четыре миллиона восьмьсот рекламному агентству, — прочитала она. — Просрочка банку. Продажа здания. Что еще ты решил не включать в завтрашний отчет?

— Предложение девелопера выгодное. Я собирался все показать на собрании.

— Собрание назначено на десять утра для годового отчета. Принесешь банковские выписки, договор с агентством, переписку по девелоперу и свой трудовой договор.

— Мой трудовой договор у кадровика.

— Значит, кадровик придет в девять.

Денис посмотрел на меня.

— Ты довольна?

— Нет. Но завтра я приду.

— Участником ты от этого не станешь.

Галина Павловна вернула мне лист.

— Вера придет как операционный директор. И как человек, которому ты только что предложил скрыть состояние компании за два с половиной миллиона.

— Я предложил компенсацию за уход.

— Завтра сформулируешь это в присутствии юриста.

Он забрал копию заявления со стола, но я удержала край.

— Это мой экземпляр.

Денис отпустил бумагу. К концу вечера он выглядел усталым, без привычной уверенности и раздражения. Мне почти захотелось спросить, когда именно мы дошли до разговора, где

каждое слово требовало свидетеля. Я не спросила. Его ответ ничего не менял в работе, которую предстояло закончить до утра.

Галина Павловна вышла вместе с сыном. Я осталась в кабинете и открыла рабочий чат. Пальцы дважды попали не по тем буквам, когда я набирала сообщение Ольге. Я стерла его и позвонила.

— Гости расходятся? — спросила я.

— Последние двадцать человек. Такси подано. На кухне закрывают смену. Что случилось?

— Завтра в десять собрание собственников. К девяти мне нужны кассовые отчеты за четыре месяца, реестр задолженности поставщикам, авансы по банкетам и все неоплаченные счета.

Ольга помолчала.

— Юбилейные цифры или настоящие?

Я посмотрела на экран, где Максим оставил последний слайд новой презентации. Денис и Алиса обещали гостям будущее, которое уже оплачивалось из денег нашего настоящего.

— Только настоящие, — ответила я. — С сегодняшнего дня других у нас не будет.

ГЛАВА 2. ШЕСТЬДЕСЯТ ПРОЦЕНТОВ

В девять утра на столе лежали четыре папки, которые превращали вчерашнее предательство в бухгалтерский факт.

Ольга принесла отчеты первой. Она не спросила, ночевала ли я дома, и я не стала объяснять, что провела два часа на диване в гостиной, пока Денис спал в спальне, а в половине шестого приняла душ и сложила в дорожную сумку документы, лекарства и одежду на два дня. До разговора о квартире я не хотела оставлять семейный дом демонстративно. После разговора оставаться там казалось способом облегчить ему задачу: жена возмутилась, но продолжила жить по прежнему расписанию.

— За четыре месяца по кассе семь шестьсот в среднем, — сказала Ольга. — Сентябрь чуть выше из-за двух банкетов, однако по ним еще не все расходы прошли.

— Бронирования на октябрь?

— Один большой банкет, три средних. Авансов на три четыреста. Если отменим, возвращать придется из текущей кассы.

— Не отменяем. Пока продолжаем выполнять все договоры.

Она поставила рядом папку с жалобами и задержалась.

— Вера Михайловна, нам сотрудникам что говорить?

— До решения собрания — ничего. После скажу сама. Вчерашняя презентация не является рабочим приказом.

— А ресторан продают?

— Это предложение одного участника. Решения нет.

Ольга кивнула. Ей хотелось гарантии, которой у меня не было. Раньше я бы пообещала, что все уладится, и следующие недели потратила бы на исполнение собственных слов. Сейчас я оставила человеку неприятную правду без успокоительной добавки.

В десять за столом сидели Галина Павловна, Денис и Маргарита Соловьева, корпоративный юрист. Маргарита работала с нами третий год, носила короткое каре и задавала вопросы таким ровным тоном, что люди иногда принимали его за согласие. Я заняла место у стены, не за столом участников.

— Оба участника зарегистрированы и участвуют лично, — сказала Маргарита. — При такой явке общее собрание вправе рассматривать вопросы, которых не было в уведомлении. Сначала фиксируем явку и утверждаем годовой отчет. Затем Галина Павловна предлагает рассмотреть полномочия генерального директора. Денис Аркадьевич, ваши возражения по существу?

— Возражаю против спектакля, — ответил он. — Но участвовать буду.

— В протокол войдет возражение по существу, если вы его сформулируете.

— Формулирую: решение подготовлено ночью на основании семейного конфликта.

Галина Павловна открыла банковскую выписку.

— Семейный конфликт не создавал просрочку в миллион четыреста.

Денис повернулся ко мне.

— Ты уже успела найти нужную цифру.

— Ее нашел банк. Платеж просрочен одиннадцать дней.

— Потому что мы готовим продажу. После задатка кредит закрывается полностью.

— Где одобренное участниками решение о продаже? — спросила Маргарита.

— Я вел предварительные переговоры. Директор имеет право искать варианты.

— Искать — да. Обещать должность в будущем проекте от имени покупателя и передавать ему внутреннюю отчетность — зависит от содержания переписки. Она у нас есть?

Денис положил ладонь на тонкую серую папку.

— Есть коммерческое предложение. Переписка на моем рабочем компьютере.

— Компьютер принадлежит ООО, — напомнила я. — Его надо передать по описи.

— Я никуда не уйду.

Галина Павловна перелистнула выписку.

— Рекламному агентству перечислено четыре миллиона восемьсот тысяч одним платежом. За три дня до того, как банк выставил требование. Почему?

— Условия контракта. Годовая кампания стоила дешевле при полной предоплате.

— На сколько?

— На пятнадцать процентов.

— И сколько работ выполнено?

— Кампания только началась.

Я положила перед Маргаритой акты из бухгалтерии.

— Подписан один промежуточный акт на девятьсот тысяч. Еще есть медиаплан и материалы к юбилею, но их стоимость не подтверждена актом.

— Ты не имела права забирать договоры, — сказал Денис.

— Я получила копии у бухгалтерии как операционный директор. Оригиналы в архиве.

Маргарита просмотрела договор. В кабинете никто не повышал голос. За стеной официанты двигали столы перед дневным сервисом, и обычный рабочий шум делал происходящее еще точнее: ресторан не остановился, пока его собственники выясняли, кому принадлежит право решать его судьбу.

— Договор сам по себе действующий, — сказала юрист. — Связь директора с владельцем агентства требует оценки, но не отменяет обязательства автоматически. Если работы не выполнены, действуем по договору: требование, переговоры, при необходимости суд. Полную сумму сегодня никто не вернет.

Галина Павловна повернулась ко мне.

— Долги поставщикам?

— Шесть миллионов двести. Из них два миллиона сто уже просрочены. Остальное в пределах сроков, но свободных денег на все платежи нет. Фонд оплаты труда с начислениями — четыре шестьсот в месяц. Зарплата через восемь дней.

— Авансы гостей?

— Три четверта. Это обязательства, а не наш свободный остаток.

Денис постучал пальцем по коммерческому предложению.

— Именно поэтому продажа разумна. Девелопер дает сто сорок пять миллионов. Мы закрываем кредит, поставщиков, возвращаем авансы, рассчитываем сотрудников. У собственников остается хороший капитал. Вера сейчас перечисляет проблемы, которые подтверждают мою позицию.

— Хороший капитал через сколько месяцев? — спросила я.

— Сделку можно завершить до Нового года.

— В предложении есть проверка объекта, согласование проекта и условие об освобождении здания. У нас банкеты до февраля. Закрывание потребует возврата авансов и выплат сотрудникам. Сто сорок пять — цена до расходов и налогов.

— Ты всегда умеешь сделать любой шанс маленьким.

— А ты сделал маленькими расходы, потому что их платят другие.

Маргарита подняла руку, останавливая разговор.

— Возвращаемся к повестке. Галина Павловна, ваше предложение?

Свекровь достала заранее подготовленный лист.

— Прекратить полномочия Дениса Аркадьевича как генерального директора с сегодняшнего дня по решению уполномоченного органа. Выплатить компенсацию по трудовому дого-

вору. Назначить временно Веру Михайловну Лаврову на шестьдесят календарных дней, с первого октября по двадцать девятое ноября включительно.

Я не сразу поняла, что услышала. Ночью Галина Павловна сказала только о собрании и документах.

— Нет, — произнес Денис.

— Ваш голос будет записан, — сказала Маргарита.

— Мама, ты собираешься отдать компанию человеку, который не владеет ни одной долей, потому что я подал на развод?

— Я собираюсь снять директора, который скрыл просрочку, перечислил предоплату агентству своей женщины и вел переговоры о моей собственности как о решенном деле.

— У Веры нет опыта генерального управления.

— У нее восемнадцать лет опыта исправлять твое генеральное управление.

Свекровь сказала это без удовольствия. Денис побледнел. Мне хотелось вмешаться, но любая попытка смягчить фразу снова поставила бы меня между матерью и сыном в привычной роли человека, который убирает последствия после чужих решений.

— Компенсация по договору составляет три месячных оклада, — продолжила Маргарита. — Восемьсот сорок тысяч. Она обязательна, если мы не устанавливаем виновное основание в предусмотренной процедуре. Сейчас такого основания нет.

— То есть за его увольнение заплатит ресторан, — сказала я.

Галина Павловна посмотрела на меня.

— Да.

— И эта сумма входит в ближайший кассовый разрыв.

— Входит.

Денис отодвинул кресло.

— Голосуйте. Я оспорю решение и потребую всю корпоративную информацию. Мои сорок процентов никуда не исчезнут.

— Не исчезнут, — подтвердила Маргарита. — Ваши права участника сохраняются.

Голосование заняло меньше минуты. Шестьдесят процентов за, сорок против. За короткой записью в протоколе стояли восемьсот сорок тысяч, открытый конфликт собственников и необходимость объяснить сорока семи людям, кто завтра подпишет их платежи.

— Теперь кандидатура Веры Михайловны, — сказала юрист.

Я наконец пересела к столу.

— До голосования мне нужны условия.

Денис коротко рассмеялся.

— Тебя назначают из жалости, а ты торгуешься.

— Именно потому, что назначают на шестьдесят дней, условия должны быть письменными. Мне нужен доступ к первичным документам, банковскому клиенту после регистрации, договорам и рабочей переписке. Право заказать независимый аудит кухни и закупок. Право утвердить платежный календарь. И право сообщить персоналу фактические риски без предварительного согласования семейной версии.

— Семейной версии? — переспросила Галина Павловна.

— Вчера ресторан использовали, чтобы объявить о новом личном и деловом партнерстве Дениса. Я больше не буду объяснять сотрудникам решения, которых не видела.

Маргарита записывала мои пункты.

— Показатели на конец срока? — спросила она.

— Исполнение зарплаты и текущих обязательств, письменные графики с банком и поставщиками, снижение потерь кухни, подтвержденный план выручки. Точные цифры зафиксируем после трехдневного аудита.

— И если план не работает, я голосую за продажу, — сказала Галина Павловна.

— Согласна. Но тогда в сравнении будут расходы на закрытие, налоги, возврат авансов и сроки сделки. Не только цена на первой странице предложения.

— Ты правда думаешь, что за два месяца спасешь убыточный ресторан? — спросил Денис.

— Пока я думаю, что хочу увидеть, почему он стал убыточным.

На этот раз решение приняли тем же соотношением. Денис проголосовал против и потребовал внести в протокол, что считает мое назначение следствием личной мести. Маргарита внесла формулировку дословно.

После собрания кадровик принес его трудовой договор и приказ. Денис должен был передать печать, ключи доступа и служебную технику по описи. Он отказался подписывать акт немедленно и ушел советоваться со своим юристом. Маргарита не пыталась задержать его и не обещала, что к вечеру все будет закончено.

— Решение принято, но дальше процедура, — сказала она мне. — Нотариус, заявление в реестр, банк. До обновления сведений платежи будем согласовывать с банком по временному порядку. Не планируйте, что сегодня получите полный доступ.

— Какие платежи нельзя откладывать?

— Это ваш вопрос как директора. Мой — чтобы каждый имел основание и след.

Галина Павловна убирала документы в сумку.

— Машина ждет. Едем к нотариусу.

— Почему вы не предупредили меня ночью?

Она застегнула сумку.

— Хотела сначала увидеть цифры. И услышать, попросишь ли ты место сама.

— Я не просила.

— Поэтому предложила.

— Вы дали мне шестьдесят дней. Ресторан мне никто не дарил.

— Хорошо, что понимаешь разницу.

В нотариальной конторе мы провели почти два часа. Проверяли протокол, паспортные данные, устав, полномочия. Я подписала заявление и трудовой договор с приложением показателей, которые должны были уточнить после аудита. В телефоне копились сообщения от бухгалтерии, поставщика мяса и Дениса. Последнее было коротким: «Не пользуйся моей машиной и не трогай личные файлы на компьютере».

Машина была совместным имуществом, но спорить об этом сообщением я не стала. Ответила: «Служебную технику ООО передай по описи Маргарите. Личные файлы будут отделены в твоём присутствии».

Когда мы вернулись, сотрудники ждали в большом зале. Кто-то уже знал об увольнении Дениса, кто-то только видел, как он уходил с юристом. Я встала перед ними без микрофона.

— С сегодняшнего дня я назначена генеральным директором на шестьдесят дней. Денис Аркадьевич остается владельцем сорока процентов и сохраняет права участника. Решения о продаже здания нет. Есть кассовый разрыв, просроченный платеж банку и задолженность поставщикам. Сегодня мы не закрываемся и не отменяем банкеты. В течение трех дней проведем аудит, затем я покажу рабочий план. Обещать сохранение каждой должности до расчета я не буду. Зарплата является первым приоритетом, но для нее нам придется договориться с банком и поставщиками.

В первом ряду мойщик посуды Виктор спросил:

— А Денис Аркадьевич вернется?

— Как директор — нет, если решение не отменят в установленном порядке. Как участник он будет получать документы и участвовать в собраниях.

— Значит, это еще не кончилось, — сказала Ольга.

— Нет. Только началось.

Люди расходились медленно. Тимур Сафин остался у колонны. Рядом с ним стоял незнакомый мне помощник с планшетом, а у двери — мужчина в темной куртке, которую он не успел снять. Я узнала его раньше, чем он шагнул вперед.

Роман Костин стал старше, седины на висках прибавилось, но смотрел так же прямо. Шесть лет назад я избегала этого взгляда, когда сообщила ему об итогах служебной проверки.

— Галина Павловна заказала трехдневный аудит кухни, — сказал он. — Мне сообщили, что директор меняется. Не сообщили, на кого.

— Если хотите отказаться, счет за проезд оплатим.

— Сначала посмотрю документы. Потом решу.

Он положил на стол копию договора на аудит.

— Начну с заявления действующего шефа об увольнении. Оно зарегистрировано у кадровика двадцать девятого сентября. До юбилея.

Я посмотрела на Тимура. Тот подтвердил:

— Игорь Николаевич сказал кухне сегодня утром. Через две недели уходит к Денису Аркадьевичу в новый проект.

Значит, новая концепция существовала не на слайдах. Денис заранее выводил из ресторана человека, без которого кухня могла остановиться быстрее, чем банк успел бы проверить мои документы.

— Получите заявление и график передачи у кадровика, — сказала я Роману. — Весь доступ только по описи.

— Вы опять будете подписывать то, что вам принесут?

В зале оставались Ольга и Тимур. Вопрос прозвучал при свидетелях, и Роман это понимал.

— Нет. На этот раз сначала проверю.

— Тогда завтра в восемь начнем с инвентаризации. А сегодня мне нужны документы об увольнении Игоря. Все версии.

Он не предложил забыть прошлое ради срочной работы. Я и не ждала. Шестьдесят процентов дали мне должность. Чтобы Роман остался хотя бы на три дня, предстояло доказать, что моя подпись теперь означает больше, чем согласие с удобным для семьи решением.

ГЛАВА 3. ДИРЕКТОР НА ШЕСТЬДЕСЯТ ДНЕЙ

В первый день директорства я не могла оплатить даже те счета, которые выбрала сама.

Банк еще проверял протокол и сведения у нотариуса. До завершения процедуры платежи принимали только по отдельному согласованию с корпоративным менеджером, бухгалтером и юристом. В восемь утра второго октября мы с главным бухгалтером Ларисой разложили на столе платежный календарь.

— На счете два миллиона девятьсот восемьдесят, — сказала она. — До пятницы ожидаем семьсот двадцать от двух дебиторов. Зарплата с налогами — четыре шестьсот. Продукты на десять дней, если по старым заявкам, — миллион сто. Банку минимум миллион четыреста просрочки. И компенсация Денису восемьсот сорок.

— Еще миллион триста сорок за юбилей и первое октября еще не зачислены эквайрингом, — добавила Лариса. — Банк подтвердил сумму, но переведет ее после проверки новых подписей. До зарплаты по осторожному прогнозу получим еще около миллиона девятьсот текущей выручки.

— Срок компенсации?

— В день увольнения полагается окончательный расчет, но он не подписал акт и вчера не получил документы. Маргарита ведет. Деньги надо держать в плане.

Я добавила ожидаемые поступления и провела линию после зарплаты, компенсации Денису и критических продуктов. Даже при точном исполнении прогноза на банк и поставщиков денег не хватало. Любая задержка эквайринга или дебиторов сразу срывала ближайшую выплату.

— Какие платежи можно перенести без остановки работы?

Лариса указала на счет подрядчика по озеленению и доплату за юбилейный свет.

— Свет уже смонтирован и разобран. Они будут требовать. Озеленение можно перенести на неделю, но по договору пойдет пеня. Еще есть аренда оборудования, которым почти не пользуются.

— Почти — это сколько?

— Кофейная станция на втором этаже работала четыре дня за месяц. Льдогенератор резервный, старый.

— Подготовьте договоры и остаточную стоимость. Ничего не отключаем, пока не поймем, что заменяет оборудование.

В девять пришел банковский менеджер по видеосвязи. Он не выразил сочувствия из-за смены директора и не признал уважительной причиной семейный конфликт. Попросил протокол, нотариальное подтверждение подачи, приказ, новый трудовой договор и перечень срочных платежей.

— Зарплатный реестр проведем после проверки источников и подписей, — сказал он. — По просрочке до понедельника ждем минимум четыреста тысяч и график погашения остатка. Иначе банк применит условия договора.

— Что именно?

— Повышенную ставку и право потребовать досрочное исполнение при сохранении нарушения. Требование еще не направлено. Я не могу обещать, что его не будет.

— К понедельнику получите четыреста и план. Сегодня направим документы.

После разговора Лариса спросила:

— Откуда четыреста?

— Один из дебиторов подтвердил семьсот двадцать. Если деньги поступят, четыреста банку, остальное — поставщику с самой короткой отсрочкой.

— А если не поступят?

— Тогда позвоним банку раньше, чем наступит срок. И не будем выдавать надежду за остаток на счете.

На кухне уже шла инвентаризация. Роман разделил склад на зоны и попросил никого не перемещать продукты без отметки. Тимур взвешивал остатки, кладовщица сверяла партии. Действующий шеф Игорь Нестеров стоял у производственного стола с видом человека, которому предложили считать чужое имущество после продажи собственного.

— Вера Михайловна, это остановит подготовку, — сказал он. — В двенадцать сервис.

— До одиннадцати считаем критические группы. Остальное после обеда.

— Роман Сергеевич требует вскрыть морозильный склад.

— Не вскрыть. Посчитать, — ответил Роман. — По ведомости там тридцать два килограмма утиной грудки. По маркировке на верхней полке двенадцать. Я хочу понять, где еще двадцать.

Игорь повернулся к нему.

— Списания проведут в конце месяца.

— Продукт либо есть, либо его нет. Дата проводки на это не влияет.

Я вмешалась до того, как спор стал личным.

— Игорь Николаевич, ваше заявление принято двадцать девятого. Вы работаете до окончания срока, если стороны не согласуют другое. Мне нужны технологические карты, графики, заказы и полная передача дел. Взамен компания выполнит все обязательства по расчету и документам.

— Денис Аркадьевич обещал отпустить раньше.

— Денис Аркадьевич больше не директор. Если хотите расторгнуть договор по соглашению, подайте предложение. Я рассмотрю срок после оценки передачи.

— Значит, будете держать?

— Нет. Я буду требовать работу в пределах действующего договора. Угроз не будет.

Он помолчал, затем снял с крючка ключ от шкафа с картами.

— Мне предложили место еще в августе, — сказал он. — Новый ресторан при комплексе. Открытие весной. Я не знал, что здесь все объявят так.

— Когда вы сообщили Денису, что уйдете?

— В середине сентября.

— Кто должен был вести кухню после вас?

— Он сказал, приведет команду после сделки.

Тимур перестал записывать вес ящика. На него никто не рассчитывал как на будущего шефа. Более того, его должны были оставить разбирать закрывающуюся кухню, пока новая команда готовилась в другом месте.

— Вы передаете дела Тимуру и Роману, — сказала я. — График составим сегодня. Если справитесь за десять рабочих дней, подпишу соглашение о более раннем уходе.

— А если нет?

— Отработаете установленный срок.

Игорь кивнул. В его решении уйти не было предательства. Он принял предложение, сделанное действующим директором, и рассчитывал на карьеру. Ошибка Дениса заключалась не в том, что он нашел шефу новую работу, а в том, что сделал это за счет ресторана, о продаже которого собственники еще не договорились.

К часу мы получили первые результаты. На складе нашлись дорогие продукты для позиций, которые заказывали два-три раза в неделю. Часть была заморожена правильно и могла храниться, часть приближалась к концу срока. Девять видов соусов требовали отдельных заготовок. В холодильнике занимали место четыре варианта одной закуски.

— Пятьдесят четыре позиции, — сказал Роман, когда мы вернулись в кабинет. — Без банкетных наборов и десертов. На одну смену приходится слишком много заготовок. Люди делают все понемногу, контроль теряется.

— Продажи распределены неравномерно. Первые пятнадцать позиций дают больше половины выручки кухни, — добавил Тимур.

Я просмотрела таблицу.

— Что можно использовать в ближайшие десять дней без новых дорогих закупок?

Роман отметил восемь строк.

— Это вопрос не только сырья. Если вы попытаетесь срочно продать остатки, официанты начнут советовать трудоемкие блюда, кухня замедлится, гости получают задержку. Сначала надо посчитать время и выход.

— Сколько?

— Завтра тестируем все группы. Послезавтра даю аудит и три варианта меню.

— У нас нет трех вариантов по деньгам.

— Тогда будет один, но вы должны понимать, от чего отказываетесь. И я не подписываю обещание прибыли.

— Я его и не прошу. Мне нужен расчет потерь, труда и закупки.

Тимур ушел готовить дневной сервис. Роман остался у стола.

— Галина Павловна предложила основной контракт на восемь недель, — сказал он. — Я не соглашался.

— Знаю. Девяносто тысяч за три дня аудита. Оплата после акта.

— Если увижу, что документы снова подгоняют под решение семьи, закончу на этом.

— В договоре должно быть право прекратить работу после первого этапа. И оплата фактически выполненного, независимо от вывода.

— Даже если мой вывод будет в пользу продажи?

— Даже тогда.

Он закрыл планшет.

— Шесть лет назад вы говорили почти то же самое. Что проверка будет независимой.

— Тогда я подписала итог, не проверив исходные проводки и не выслушав вас.

— Выслушать теперь недостаточно.

— Согласна.

Роман ожидал оправдания. Возможно, я сама привыкла ставить его после признания ошибки: Денис принес таблицы; шел конфликт с поставщиком; мне некогда было разбираться. Все это объясняло, почему я поступила удобно. Ничего не исправляло.

— Основной контракт предложу после вашего отчета, — сказала я. — Решать будете вы.

— И вы.

— И я.

Вечером Маргарита прислала подтверждение временного порядка банка и акт передачи служебной техники. Денис согласился прийти на следующий день, но потребовал, чтобы его личные файлы копировал специалист при нем. Еще он просил перечислить компенсацию полностью до передачи компьютера.

— Это разные обязательства, — сказала Маргарита по телефону. — Компания не удерживает законную выплату как залог. Он не удерживает имущество компании. Завтра проводим оба действия параллельно, фиксируем каждый шаг.

— На счете нет лишних восьмисот сорока.

— Они не лишние. Договаривайтесь о сроке письменным соглашением или платите при расчете. Иначе получите еще один спор.

Я попросила Ларису зарезервировать сумму. Это означало, что зарплатный разрыв стал еще больше.

В половине восьмого я посмотрела две съемные квартиры. Первая находилась в старом доме без лифта, в сорока минутах от ресторана в вечернее время. Вторая — в пятнадцати минутах езды, с простой мебелью и закрытым двором. Хозяйка назвала пятьдесят пять тысяч в месяц и попросила оплату за первый месяц плюс депозит.

— Беру, если подпишем договор и вы дадите расписку за депозит, — сказала я.

Она удивилась скорости решения.

— Даже торговаться не будете?

— Буду. Уберите из договора обязанность оплачивать капитальный ремонт техники, которая принадлежит вам. И зафиксируем показания счетчиков.

Через час у меня были ключи, договор и расход в сто десять тысяч из личных накоплений. Квартира не выглядела началом новой жизни. В ней были кровать, стол, два стула и шкаф. Мне подходило, что она ничего от меня не требовала, кроме своевременной оплаты.

За вещами я приехала в семейную квартиру после девяти. Денис еще не вернулся. Я поставила телефон на полку и позвонила Кире по видео. Дочь появилась на экране в толстовке, с собранными волосами. За ее спиной стоял монитор с архитектурной моделью.

— Мам, что происходит? Папа написал, что его уволили из-за тебя и бабушки.

— Его полномочия прекратило собрание участников. Я не участник и не голосовала.

— Но тебя назначили вместо него.

— На шестьдесят дней. В компании долги и просрочка. Это связано с его решениями, но не с тем, на чьей стороне ты должна быть.

Кира смотрела на меня через экран.

— Он сказал про развод.

— Заявление уже в суде. Мы с ним разберемся сами.

— У него кто-то есть?

Я сложила в чемодан две рабочие блузки.

— Есть. Подробности я обсуждать с тобой не буду. Не потому, что скрываю, а потому что ты наша дочь, а не свидетель.

— Ты куда собираешься?

— Сняла квартиру недалеко от ресторана. Сейчас забираю вещи и документы. Я позвонила, чтобы ты знала это от меня и чтобы потом не возник спор, что именно я взяла.

— Хочешь, я приеду?

— Нет. У тебя работа. Приедешь, когда захочешь увидеть меня, а не охранять шкаф.

Она улыбнулась неуверенно.

— Ты все превращаешь в список задач.

— Сейчас список полезнее догадок.

Я показала ей папку с дипломом, личными свидетельствами, медицинскими документами и украшениями, подаренными моими родителями. Совместные финансовые бумаги оставила в кабинете, предварительно сфотографировав корешки папок. Взяла одежду на две недели, книги, ноутбук и старую фотографию Киры с выпускного. Не потому, что остальное не имело значения. Просто раздел имущества не должен был происходить ночью без описи.

— Мам, ты нормально? — спросила дочь, когда я застегнула второй чемодан.

Я села на край кровати.

— Нет. Но я знаю, где буду ночевать, и завтра у меня работа. Этого пока достаточно.

— Папе что передать?

— Ничего. Если попросит, скажи, что не будешь передавать сообщения. Я сама отвечу ему там, где нужно.

В съемной квартире я разложила только документы и одежду на утро. В одиннадцать пришло письмо от Романа. К нему был приложен предварительный список инвентаризации и проект контракта на восемь недель с пометками.

Я открыла документ. Он убрал формулировку «обеспечить выход ресторана на прибыль» и заменил ее на измеримые обязанности: аудит, технологические карты, обучение команды, контроль списаний, четыре полных дня и два вечерних сервиса в неделю. Добавил право остановить работу после первого этапа и запрет использовать его имя в рекламе без согласия.

В конце стояла стоимость — шестьсот сорок тысяч по этапам.

Я внесла условие: акты принимаются по перечню результатов, замечания направляются письменно в течение трех рабочих дней, задержка оплаты не может использоваться для принуждения к дополнительной работе. Отправила документ обратно.

Ответ пришел через пять минут: «Сначала аудит. В восемь утра тестируем все пятьдесят четыре позиции по группам. Не для дегустации. Нужны фактическое время, выход и потери».

Я поставила будильник на шесть тридцать. Впервые за двадцать четыре года рядом не было Дениса. Это оказалось не самым страшным изменением дня.

Страшнее было другое: утром каждое решение, принятое в ресторане, уже нельзя будет объяснить его властью. Подпись стояла моя.

ГЛАВА 4. ЦЕНА СТАРОГО МЕНЮ

К десяти утра кухня приготовила не пятьдесят четыре блюда, а двадцать один образец. Роман объединил позиции по одинаковым процессам: если два салата отличались одним соусом, он проверял базовую заготовку, время сборки и остаток каждого компонента. На краю производственного стола стояли весы, секундомер и листы учета.

— Мы не оцениваем вкус по десятибалльной шкале, — сказал он поварам. — Нас интересует, сколько людей и минут занимает блюдо, что готовится заранее, что списывается и можно ли повторить результат в полном зале.

Игорь наблюдал за ним с другой стороны стола.

— Гости приходят не за таблицей.

— Верно. Но если таблица не сходится, гостю долго несут дорогую тарелку, а ресторан доплачивает за его ужин.

Первой проверили группу горячих закусок. Одна требовала трех сковород одновременно и занимала станцию почти на девять минут. За сентябрь ее заказали двадцать семь раз. Для нее держали два продукта, которые больше нигде не использовались.

— Себестоимость тридцать восемь процентов, — сказала я, сверившись с калькуляцией.

— По карте, — уточнил Тимур. — Фактически больше. Обрезь не вся учтена.

— Почему?

Игорь ответил раньше него:

— Потому что последняя закупка пришла с другим калибром. Я подавал заявку поменять поставщика.

— Где заявка?

— У Дениса.

Я записала вопрос в список для передачи документов. Два дня назад я бы услышала в словах Игоря оправдание. Теперь у нас был способ проверить: электронная почта, журнал входящих, рабочий чат.

К полудню стало ясно, что старое меню не являлось единой системой. Оно собиралось годами из просьб постоянных гостей, фестивальных блюд, идей каждого нового шефа и обещаний Дениса. Убрать позицию считалось признанием ошибки, поэтому к каждой следующей добавляли еще одну, ничего не пересматривая.

Роман разложил на столе карточки трех цветов.

— Зеленые остаются. Желтые проверяем по продажам и совместимости сырья. Красные убираем из ежедневного меню.

Я взяла красную карточку с банкетной уткой.

— Это входит в четыре уже проданных пакета.

— В основном меню позиция почти не продается.

— Я не спору. Но убрать ее полностью сейчас нельзя. Заказчики выбирали конкретный набор, внесли аванс. Замена потребует согласования.

— Банкетная линия создает отдельные остатки.

— Тогда разделим линии. Ежедневное меню и утвержденные банкетные наборы. Новые банкеты продаем уже по сокращенному списку.

Роман посмотрел на меня внимательнее.

— Сколько действующих вариантов?

— Семь. Но заказы на ближайшие два месяца используют четыре. Остальные можно закрыть для новых продаж.

— Нужны объемы и даты.

— Ольга подготовит к вечеру.

Мы спорили еще двадцать минут. Он предлагал оставить двадцать шесть ежедневных позиций, я настаивала на тридцати: два блюда удерживали постоянных гостей в дневное время, еще два использовали сырье из банкетных закупок. В итоге договорились проверить их неделю и установить порог продаж. Если не достигнут — убрать без нового спора.

— Вы защищаете четыре блюда или право не принять мою цифру? — спросил Роман, когда Тимур ушел проверять сервис.

— Обязательства перед гостями и дневную выручку. Ваши двадцать шесть удобнее кухне. Мои тридцать должны пройти проверку кассой.

— Это разумный ответ.

— Вы ожидали другого?

— Шесть лет назад мне объяснили, что собственник лучше знает, какое меню нужно гостю.

— Тогда директором был Денис.

— Заключение подписали вы.

Он не позволял разделить удобную для меня вину. Я могла напомнить, что работала операционным директором без права крупной подписи, что итоговые цифры готовил финансовый отдел, а решение принимал Денис. Но под служебным заключением стояла моя фамилия. Формальный объем полномочий не мешал мне потребовать исходные данные. Я просто не потребовала.

— К этому вернемся, когда поднимем архив, — сказала я. — Не потому, что сейчас некогда извиняться. Я хочу сначала установить факты.

— Хорошо.

В обеденный сервис из меню ничего еще не убрали. Роман наблюдал, как движутся заказы, и отмечал минуты. Я прошла в зал. Из восьмидесяти четырех мест были заняты двадцать три. На втором этаже сидели две пары, хотя там работали официант и отдельная станция выдачи. Ольга предложила пересадить гостей вниз, но они выбрали столы у окон при бронировании.

— Со следующей недели днем открываем только первый зал, если нет группового заказа, — сказала я. — При бронировании предупреждаем. Второй этаж готовим к вечеру с четырех.

— Две смены официантов пересмотреть?

— Да. Без сокращения часов на этой неделе, сначала соберем пожелания. Кто готов начинать позже, кто хочет больше банкетов.

— Люди решат, что мы режем зарплаты.

— Поэтому покажем загрузку по часам. И скажем, что решение тестовое на две недели.

Ольга записала. Раньше подобные изменения я согласовывала с Денисом, а затем представляла сотрудникам как общее решение. Он обычно просил никого не тревожить цифрами и обещать, что все временно. Теперь тревога уже находилась в зале, в пустых столах и разговорах на кухне. Скрывать ее было поздно.

После сервиса Тимур собрал кухню. Роман вывесил новый график подготовки. Повар холодного цеха Лена первой указала на проблему:

— Вы убрали две позиции, а заготовка по зелени осталась утренняя. Если смену сдвинуть, кто принимает товар?

— Прием остается за кладовщиком и ответственным смены, — ответил Роман. — Холодный цех выходит на сорок минут позже по вторникам и средам. В пятницу без изменений.

— А часы?

— Часы сохраняются за счет вечерней подготовки банкетов, — сказала я. — Через две недели смотрим фактическую нагрузку. Все изменения в приложении к графику, не устно.

Другой повар спросил, почему Игорь еще отдает распоряжения, если кухню уже проверяет Роман.

— Потому что Игорь Николаевич остается шефом до даты увольнения, — ответила я. — Роман Сергеевич проводит аудит и не является вашим руководителем. По ежедневной работе распоряжения дает Игорь, по тестированию — в рамках согласованного плана Роман. Если указания противоречат друг другу, идете к Тимуру, он фиксирует вопрос и приходит ко мне.

— Отличная система, — заметил Игорь. — На каждую кастрюлю три начальника.

— На ближайшие десять дней — да. Поэтому полномочия записаны. Если предложите более безопасную передачу без остановки смены, рассмотрю сегодня.

Он ничего не предложил.

Вечером я получила от Дениса служебный компьютер. Специалист скопировал его личную папку на внешний диск при всех участниках, удалил копию с устройства после подтверждения и составил акт. Компенсацию перечислили двумя платежами по подписанному с ним соглашению: половину сразу, половину через пять рабочих дней. Денис согласился только после того, как Маргарита включила пеню за задержку.

— Уже учишься покупать время за счет компании, — сказал он, подписывая документ.

— Время стоило бы дороже, если бы мы нарушили срок без соглашения.

— Ты все еще думаешь, что проблема в сроках.

— Сейчас проблема в том, что у ресторана недостаточно денег. Наш развод ее не оплачивает.

— Можешь вернуться домой. Я не выставял твои вещи.

— Я сняла квартиру.

На секунду он замолчал.

— Быстро.

— Договор аренды заключается быстрее, чем сделка со зданием.

— Ты решила показать независимость?

— Я решила, где буду спать.

Маргарита закрыла папку с актами. Разговор закончился не потому, что мы поняли друг друга, а потому что служебный предмет был передан, документ подписан и удерживать Дениса в кабинете больше не требовалось.

На его компьютере обнаружилась переписка по поставкам. Доступ к ней был законным: корпоративный адрес, рабочие договоры, переданное устройство. Я искала заявку Игоря на смену поставщика и нашла ее в августовской цепочке. Он жаловался на калибр мяса и цену. Денис ответил: «Работаем по эксклюзиву до конца года, условия связаны с пакетом будущего проекта».

Я открыла договор. Поставщик обязался давать фиксированный объем и маркетинговую поддержку, ресторан — закупать у него не менее восьмидесяти процентов нескольких категорий. Досрочный выход без нарушения поставщика стоил миллион двести. Цена по ключевым позициям превышала два альтернативных предложения на девять и двенадцать процентов.

Роман прочитал документ рядом со мной. Было уже половина девятого, кухня заканчивала вечернюю подготовку.

— Можно пересчитать меню на другом сырье и сделать вид, что с понедельника закупаем дешевле, — сказал он. — Только штраф останется, а поставщик потребует его через суд.

— Не будем делать вид. Завтра юрист проверит исполнение с обеих сторон. Мы запросим переговоры о сокращении объема.

— Если откажутся?

— Две недели работаем в договоре, убираем лишние категории, готовим законный выход или изменение условий. Штраф сравниваем с переплатой до конца срока.

— Это съест часть экономии меню.

— Знаю.

— Денис мог связать договор с будущим проектом, но обещание в письме не дает ресторану встречной выгоды.

— Это проверит Маргарита. Пока у нас есть действующий контракт, а не доказанное нарушение.

Роман встал и подошел к шкафу с архивными калькуляциями. Игорь передал папки за последние восемь лет. На корешках стояли даты и фамилии шефов.

— Мне нужны мои два года, — сказал он.

Я достала папку с нижней полки. Внутри сохранились ежемесячные отчеты, служебные записки и итоговая проверка. Роман быстро нашел таблицу списаний за тот период, когда его обвинили в перерасходе. Провел пальцем по строкам, затем положил рядом ведомость банков.

— Здесь общая сумма списаний кухни, — сказал он. — А здесь те же продукты ушли на три выездных банкета. Их должны были отнести на отдельные заказы.

Я проверила даты. В памяти всплыл один из банкетов: юбилей крупной компании за городом, срочная замена меню, дополнительные закупки. Денис тогда сказал, что расходы провели позже и они не повлияли на выводы.

— Нужны первичные накладные и проводки, — произнесла я.

— Нужны. Потому что на основании этой таблицы вы подписали, что моя кухня превысила норматив почти на миллион.

Он не повышал голос. За шесть лет сумма не стала для него меньше, а для меня впервые перестала быть строкой из старого конфликта.

— Завтра поднимем все документы, — сказала я.

— Я включу это в аудит.

— Включайте.

— Даже если вам придется признать ошибку перед теми же людьми, которым вы объясняли мое увольнение?

Я закрыла папку, не убирая ее в шкаф.

— Особенно тогда.

К одиннадцати мы утвердили переходный список из тридцати ежедневных позиций и четырех действующих банкетных наборов. На неделю, с контрольными продажами, временем выдачи и фактическими списаниями. Я подписала приказ и указала в нем дату пересмотра. Роман поставил подпись только под расчетом, Тимур — под графиком кухни, Ольга — под изменениями в зале.

Старое меню не исчезло одним решением. Его цена оставалась в договоре с поставщиком, проданных банкетах, запасах и привычках команды. Но с утра гость увидит короткий список, за который можно назначить конкретного ответственного.

А я утром открою архив, где ответственность уже была назначена на Романа моей рукой. Теперь подпись требовала исправления вместо объяснений.

ГЛАВА 5. ОШИБКА С МОЕЙ ПОДПИСЬЮ

Архив не оправдал меня.

К утру шестого октября Лариса подняла проводки по трем выездным банкетам шестилетней давности. Накладные, акты, отчеты производства и итоговая таблица лежали в хронологическом порядке. Ошибка обнаружилась на второй странице: продукты выдали со склада на обычное производство, а после банкетов не перенесли на отдельные заказы. В месячном отчете они остались списаниями кухни Романа.

— Кто готовил итог? — спросила я.

— Финансовый аналитик, которого привел Денис, — ответила Лариса. — Он через год ушел. Но первичку визировала я.

— Вы видели расхождение?

— Когда увидела, период уже закрыли. Я сказала Денису, он велел исправить в следующем месяце. Там сделали корректировку общей суммой. Для учета итог сошелся, для служебной проверки Романа — нет.

— Почему вы не сообщили комиссии?

Лариса поправила край папки.

— Комиссия состояла из Дениса и вас. Я решила, что вы знаете.

Я тоже когда-то решила, что знает кто-то другой. Так семейная система и работала: каждый видел часть ошибки, но считал, что человек выше уже принял ее осознанно.

В моем заключении было четыре страницы. Я помнила последнюю, с подписями. Первые три почти не узнавала. Там говорилось о превышении норм, отсутствии контроля и отказе шефа выполнять указания директора. Цифры совпадали с итоговой таблицей, но источники я не перечислила. Объяснение Романа приложили отдельно, после заключения. На нем стояла отметка Дениса: «Позиция сотрудника учтена, документальных подтверждений нет».

— Подтверждения были, — сказал Роман.

Он сидел напротив меня, не прикасаясь к папке. Тимур находился на кухне, Маргарита подключилась по видеосвязи. Мы не собирали свидетелей ради извинения. Сначала требовалось понять, что можно исправить официально.

— Были, — согласилась я. — Их не связали с вашим объяснением. Я могла запросить проводки и не запросила.

— Вы могли позвать меня на комиссию.

— Могла.

— Я просил.

— Знаю. Здесь заявление с моей резолюцией: «достаточно письменного объяснения».

Роман взял документ. Шесть лет назад он потерял работу в середине сезона. Насколько я потом слышала, два ресторана отказали ему после звонка Дениса. Через полгода Роман уехал запускать кухню в другом городе, затем начал консультировать. Я знала внешнюю последовательность и ни разу не спросила, сколько она ему стоила.

— Я могу сказать, что доверяла мужу, — продолжила я. — Это будет правдой. Но подпись поставила я. И ваше право ответить ограничила тоже я.

— Извинение принято как факт, что вы поняли. Прощения сегодня не будет.

— Я его не требую.

Маргарита напомнила о себе:

— Есть несколько вариантов исправления. Компания может составить дополнительный акт внутренней проверки, указать выявленные проводки и отменить вывод о персональной ответственности Романа Сергеевича. Отдельно направить письма адресатам прежней характе-

ристики. Но мы не перепишем прошлое задним числом и не будем утверждать умысел Дениса без доказательств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.